

Никита Фроловский

МЕСТО НА СЕРОЙ ТРЕУГОЛКЕ

КИНОСЦЕНАРИЙ

1989

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Никита Фроловский

Место на серой треуголке

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49831036

SelfPub; 2020

Аннотация

Не ретро. Подлинный литературный документ из 1989 года. Сценарий художественного фильма, в свое время с большим успехом прокатившегося по самым престижным международным кинофестивалям, но до широкой публики так и не дошедшего. Собственно не для нее он, к сожалению, и снимался. А сегодня?.. Как выразился в схожей ситуации классик: "Вмешаться в произведение такой давности не легче, чем вторично вступить в один и тот же ручей. Тем не менее можно пройти по его обмелевшему руслу, слушая скрежет гальки под ногами и без опаски заглядывая в омуты, откуда ушла вода". В отличие от Леонова, мы решили не вмешиваться, а оставили все в первоначальном виде, без подмеса. Содержит нецензурную брань.

Ой,нигилист наш,
нигилист, для всех
других, наверное,
лодырь, бездельник и
пустяга.

Константин Кешин

На узкой ладони пальцы разминали зеленые зернышки и траву, перемешивая их с табаком. Потом быстро стали набивать папиросу. Набив, Д. провел по ней губами, слегка намочив, и закурил небрежно, спокойно делая затяжки. Потом передал папиросу Л. и тот шумно и с легким присвистом втягивал в себя вместе с дымом воздух, набирая полную грудь, и сосредоточенно выпускал через некоторое время из себя клубы, повисавшие над столом и Д. разгонял их рукой. Потом Д. взял папиросу огоньком в рот и, приблизив мундштук к Л-ву лицу, стал тонкой, но густой струей задувать белый дым в раскрытые губы.

Докурив, они попили воды из графина, закурили уже сигареты. Л. почти не курил, лишь изредка, он поднимал руку с сигаретой к лицу, и по большей части так и опускал ее не затянувшись. Ему было не до этого, рука была сама по себе. Сам же он не двигался и глаза его внимательно смотрели в одну точку. Д. резво ходил по комнате и с интересом

рассматривал какие-то вазочки, причем не досмотрев ставил обратно и смотрел уже в окно. При ходьбе он высоко поднимал колени и ступни ставил прямо, немного вовнутрь, идя, как бы по одной линии.

Он сел на стул напротив Л. и сказал с участием, глядя на него:

– Вот я нажрался...

Л. собрался с мыслями, оглядел Д. как-то флегматично, и со значением выставив нижнюю губу, покивал головой, но чуть не упал при этом с дивана. Он снова собрался и попробовал сидеть прямо, остановив свои, с трудомдвигающиеся глаза на лице Д., но потом опять обмяк, и тогда прилег, и, положив руку под голову, стал говорить:

– Знаешь, я ведь тут на днях написал рассказ один.

Д. очень внимательно его слушал.

– Один человек просыпается утром, на работу опоздал, тело ломит, он идет в ванную. Чистит зубы, но потом встает под душ, включает воду и вдруг на него из душа лезут волосы, он обрастает волосами весь – глаза, губы, тело.

Голос у Л. был слабый, тихий и слова он выговаривал с трудом, путая иногда буквы.

– Ты прямо вот так взял ручку и на бумаге написал? – спросил Д. Л. кивнул и продолжал:

– Он выскакивает из ванной в ужасе, хочет пробежать в свою комнату, но слышит под дверью собралась такая толпа, все чего-то обсуждают и никуда не уходят, причем голоса

какие-то чужие, незнакомые.

Тут они расхохотались надолго, причем Д. очень сильно тряс головой, а Л. все время поправлял губы рукой, закрывая рот, и от этого ему было еще смешнее. Д., сквозь смех, просил рассказывать дольше.

– Ну вот, потом он все-таки пробегает незаметно в свою комнату, запирается и начинает бриться опасной бритвой, бреет плечи, спину, глаза...

Теперь они хохотали после каждого слова, но вдруг успокоились и прислушались. По радио читали стихи Расула Гамзатова, читали с чувством и нараспев. Д. сделал погромче. Они оба были уже в истерике, вытирали мелкие слезы и тыкали пальцами в радио, до того было смешно.

Л. лежал на кровати. Играл магнитофон. "Я не сплю, но я вижу сны..." – пел Цой. Л. встал, выключил магнитофон, взял гитару без половины струн и стал играть "Дым над водой". Потом положил гитару, присел к зеркалу и долго себя рассматривал. Убирал волосы за уши. Взбивал их. Делал разные выражения на лице. Подошел к столу, взял заварочный чайник и попил из носика. Сморщился. Закурил, открыл крышку на сковородке, которая стояла здесь же. Присел к столу и стал есть, не прекращая курить.

Л. спал в постели с девушкой. Они лежали, отвернувшись друг от друга. Дверь открылась и свет, все более расширяю-

щейся полоской, осветил кровать. На пороге стояла женщина в свитере и черных вельветовых брюках. Она посмотрела на них и вдруг закричала высоким базарным голосом:

– Ты во сколько вчера пришла? Мне надоело это все. Ясно? Долго я буду терпеть? Развела тут черт знает что. И с этим героем я хочу поговорить! Нашел себе местечко. Тут что вам, дом с красным фонарем? Нет, не надо. Давайте, вставайте, подымайтесь, подымайтесь.

– Мама, ты что больная на голову? Что ты орешь в такую рань?

– Я больная? Я ору? Ты как разговариваешь? А ну, вставай! И вы тоже не залеживайтесь, вставайте, вставайте,– и она резко закрыла дверь.

Л. тяжело вздохнул, а девушка покрутила красивым, длинным пальцем у виска. Она встала и, глупо и жалобно улыбаясь, одела халат и вышла. За дверью сразу послышался крик. Там ругались.

Л. огляделся, опять вздохнул и стал медленно одеваться. Он одел широкие джинсы и белую теплую майку с фабричными швами и заплатами специально наружу. Он тер глаза и рассматривал себя в стекло книжной полки. Вошла девушка. Он показал глазами на дверь и качнул вверх головой. Девушка поморщилась:

– Да не ходи ты туда. У нее бывает, еще и не такое бывает.

– Ну как? Надо же поговорить.

– Ну поговори, если хочется.

За дверью закричали:

– Ну, долго вы еще там? Что-то вы больно стеснительны стали. Выходите, не бойтесь.

Л. последний раз глянул на себя в стекло, и вышел, положив руки в длинные карманы.

– Доброе утро, – осторожно сказал он.

– Вы бы вытащили руки из карманов, вы же с женщиной разговариваете. Вас что, не учили?

Л. поспешно вытащил руки, сел в кресло-качалку и стал слегка покачиваться. Женщина села напротив него на стул, напряженно сохраняя осанку, и сказала:

– Ну, что скажете?

– Ведь вы хотели сказать, а я, я не знаю...

– Да хотела. – Она посмотрела ему в глаза и вдруг сказала:

– У вас такой взгляд всегда, ну прямо такой, страдающий, будто вы что-то прямо такое поняли. Ну что? Что вы поняли-то?

– Это разрез такой, – сказал он спокойно.

– Какой разрез?

– Разрез глаз.

– Вы что от Маши хотите? – опять неожиданно сказала она.

– В каком смысле что хочу?

– Зачем, я спрашиваю, она вам нужна?

– Ну как же...

– Что, как же? Что как же? Не нужна она вам, это же вид-

но. Невооруженным взглядом видно. Или она вам в физиологическом смысле нужна?

– Ну это-то тут причем?

– При многом. Как же, девочка чистая, домашняя. Искать не надо опять же.

– Ой, ну что вы говорите?

– А что? Ну, а почему вы не женитесь? А? Почему? Или она так, пока, на время, да?

– Да нет, – вяло сказал он.

– Что нет? Думаете я не вижу, я не понимаю, что у вас к ней за отношение? Вы что, любите ее, да? Ну что же вам тогда мешает? Женитесь, живите, любите. Что мешает? А?

– Ну куда мне жениться? Где мы будем жить? На что мы будем жить? И вообще, куда мне в таком возрасте жениться?

– А вам в каком надо? Вы же говорите, что любите ее, а?

– Я пока ничего такого вам не говорил, а потом возраст, конечно, не главное и я вообще назвал его последней причиной, а первые две вы почему-то упустили.

– Не волнуйтесь, ничего я не упустила. Да, а почему вы в институте так плохо учитесь? Вам что, не нравится?

– Не нравится.

– Ну уходите.

– Куда?

– Куда нравится, вы же пишете хорошо, идите в литературный институт.

– А с чего вы взяли, что я пишу хорошо?

– Маша мне сказала.

– Она-то откуда знает?

– Не знаю я, откуда она знает.

– Да нет, я вообще ничего не пишу, я только прикидываюсь иногда.

– Что-то вам ничего не нравится. Нельзя же так, – вдруг спокойно заговорила она. – Знаете, что сказал один человек?

Он покачал головой.

– Он сказал, что жизнь требует мужества, понимаете, мужества.

– Да, конечно, понимаю.

– Вот вы можете же, например, на стипендию учиться, можете, и без труда особого. Правда ведь?

– А зачем? – сказал он.

– Что плохо стипендию получать?

– Да нет, хорошо, но жизнь требует мужества, – сказал он.

Она не обратила на его слова внимания.

Л. шел по улице с другой девушкой и кричал громко:

– Представляешь, какую хуйню она несет. Жизнь требует мужества. А я, как дурак, с ней беседовал лет сто. Я должен был после первых же криков встать и уйти, и никогда больше не разговаривать ни с ней, ни с ее дочкой!

– Что же ты не ушел?

– Не знаю, не подумал я как-то про это.

– Тебя оскорбили, а ты не подумал. Черт знает с кем ты

спишь, разговариваешь часами с их мамами, разве...

– Да ты вообще заткнись, – грубо и по-хозяйски скакзал он, – будешь еще воспитывать меня, сучка.

Девушка замолчала, но шла рядом, посмотрев на него, наполнившись слезами, коричневыми зрачками.

Л. сидел напротив своего очередного знакомого. Знакомый играл на гитаре, а Л. размахивал зажженной спичкой над головой. Они пели:

– Нам не надо средней школы,
Там-ба-ра-рам, ба-ра-рам, ба-ра-рам...
Ви донт нид нау баст контрол,
Там-ба-ра-рам, ба-ра-рам, ба-ра-рам...
Эй, учитель! Лив аз кидз элон,
Мы кирпичики в стене...

– Я не понимаю, зачем мы живем, в чем смысл? Передо мной все время горят буквы: "Зачем". Зачем мы суедемся, бегаем, волнуемся, – говорил Л. какому-то парню.

Они сидели в креслах и пили шампанское.

– Ради счастья, понимаешь, смысл заключается в том, чтобы испытывать ощущение счастья. – Говорила ему в баре какая-то девушка.

Л. пил кофе.

– А зачем? – сказал он.

– Счастье, оно самоценно и заключается в любви, ты лю-

бишь кого-нибудь?

– Нет, я не могу.

– А я люблю, и буду любить долго, может быть всегда.

– Так не бывает, – сказал он без энтузиазма.

– Бывает, всякое бывает.

– А зачем, – спросил он с идиотской настойчивостью.

– Дурак ты!

– А ты не читал Ницше, "Веселую науку"? – спросил его тот парень в кресле.

– Не читал.

– А ты почитай, знаешь, что он пишет, он пишет, что жизнь это танец, танец. Человек танцует не ради результата, а ради самого танца, ради движения. Так и жизнь. Надо жить не ради результата, а ради жизни. Жизнь сама по себе ценность и результат существует лишь как бесплатное приложение. Это и есть кайф, счастье, от самой жизни надо удовольствие получать, а не от того зачем ты живешь.

– Ну, а если жизнь не приносит удовольствия?

– Ну, тогда я не знаю, тут уж тебе никто не поможет.

Л. обреченно кивал головой.

– Ты знаешь, – говорил Л. другому своему приятелю.

Они шли по Садовому кольцу.

– У тебя депрессия, обыкновенная депрессия, бывает, что она затягивается на год, на два, но все равно проходит. Мне знакомая одна объясняла. Врач-психиатр. Ну неужели тебе

жить не нравится. Да ты посмотри вокруг – солнце, люди, дома, это же все в кайф. Ты не чувствуешь как бы стержня жизненного. Ты просто заиклился и все у тебя в сознании померкло. Ты этому не поддавайся, соберись как-то что ли. Жизнь она и вправду прекрасна и удивительна. Просто это стерлось у нас в понимании от частого применения в утешительном смысле. Но, на самом-то деле так оно и есть. И не может иначе быть, не должно просто иначе. Ну, конечно, нас и предают, и оскорбляют, и унижают, ну и что? Что из этого? Мало ли чего. Надо всего этого избегать. Беречь себя надо. Ты не расстраивайся, все это пройдет, вот увидишь, – и он похлопал того по плечу.

За столом сидела небольшая компания. Рядом стоял таз с водой. В нем лежали золотистые банки с пивом "Туборг". У всех сидящих, кроме одного, было в руках по баночке. На столе стояла пирамида пустых.

– Марк, ты в Нью-Йорке был? – спросил Л.

– Был.

– А где тебе больше нравится, в Москве или в Нью-Йорке?

– В Москве.

Все засмеялись, кроме того, что не пил пива.

– Я в Нью-Йорке все время в напряжении. В Москве мне спокойней.

– Это потому, что ты иностранец, – сказал кто-то.

– Да, я иностранец, – сказал Марк.

– Эндрю, вай донт ю дринк бир? – спросил Л.

Тот что-то ответил длинно, никто ничего не понял.

– Марк, что он сказал?

– Какая разница, – сказал Марк.

– Марк, тебе какие ругательства больше нравятся, наши или ваши?

– Ваши, – сказал Марк, и со значением добавил, – в ваших больше смысла. И... глубина.

Эндрю засобирался, стал прощаться.

– Эндрю, иф ю виш ту кам ту ми, ю кэн ду ит эни тайм, айл би глэд ту си ю. Ю а вэлкам.

Эндрю пожал всем руки и ушел.

– Марк, чего он ушел?

– Он ссыт экзамена, – сказал Марк, – у нас завтра экзамен, он ничего не знает, двоечник.

– А ты?

– Я все знаю. Как надо говорить, когда мне надо ненадолго уйти в туалет?

– Я пошел в туалет.

– А еще?

– Пошел поссать.

– Так можно при девушке?

– Не стоит.

– А как при девушке?

– Пошел в туалет.

– А еще не при девушке.

– Пойду отолью.

– О! – сказал Марк и радостно засмеялся.

– Марк, у тебя жена есть?

– Нет.

– Почему?

– Я хочу жениться на русской девушке, говорят, что я обязан жениться и спасти ее.

– От чего спасти?

– От этой страны я должен, жениться и спасти ее, – он пожал плечами, – вот ты хочешь в Америку?

– Мне все равно, – сказал Л., – и здесь то плохо.

– Молодец, – сказал Марк, – мне тоже все равно. Какая разница. Здесь веселей.

– Потому что ты иностранец, – опять сказал кто-то.

– Да, я иностранец, – согласился Марк.

– Марк, а что у вас вообще не курят?

– Курят, но мало. Я вообще не курю. У нас в группе шестнадцать человек, курят только две девушки.

– Марк, а марихуану у вас курят?

– Я не курю.

– Марк, а сколько ты выпиваешь таких баночек и уже пьян?

– Когда пью много, то восемь и уже пьян, а когда как сейчас, то четыре и уже пьян.

Он встал и пошел к двери.

– Ты куда, Марк?

– Пойду отолью.

Л. сидел в большом, светлом врачебном кабинете напротив стола, за которым сидела женщина-врач.

– Ну, – сказала она, – рассказывайте как ваши дела.

– Нормально, – сказал Л., – с делами у меня все в порядке, я по другому поводу пришел.

– Я слушаю.

– Понимаете, я не как к врачу, просто мне надо с кем-то поговорить, посоветоваться, а вы тем более специалист.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.